

АЛЕКСАНДР ГРАНАХ В МОСКВЕ

ЗНАМЕНИТЫЙ германский актер Александр Гранах эмигрировал из фашистской Германии в Польшу. По приглашению Межрабпомфильм Гранах приехал в СССР для участия в новом звуковом фильме «Борцы», который ставят режиссеры Ивенс и Вангенгейм. Одновременно Гранах снимается в главной роли в фильме «Цыганское счастье», который ставят режиссеры Е. Шнейдер и заслуженный деятель искусств А. Гольдблат. Мировой кинематографии Гранах известен по германским фильмам «Трагедия шахты» (режиссер Пабст), «Дантон» и др.

★

Александр Гранах—один из лучших актеров немецкой драматической сцены. Он—один из тех, которые не в малой степени обеспечивали мировой успех Максу Рейнгардту.

Гранах пришел в искусство из души народа. пришел—малообызченным для буржуазного художника путем. Двенадцати лет Александр Гранах, уроженец украинской деревушки в Восточной Галиции, покидает родительский дом. В течение пяти лет он странствует по Галиции, зарабатывая себе на жизнь. Его профессия—булочник. Семнадцати лет Гранах попадает в Берлин и здесь первое же знакомство с театром решает судьбу молодого сильного, жизнеспособного пролетария: отныне свою жизнь он целиком посвящает искусству.

Еще до войны Гранах учился в школе Рейнгардта и был принят в его труппу. Вскоре после войны к нему пришла слава и вместе с ней—опасность быть поглощенным буржуазной культурой. Но Гранах питался корнями взрастившей его трудовой среды. И это спасло Гранаха.

Сегодня Александр Гранах в Москве. Вспоминая годы своего творческого становления, он говорит:

— Я никогда не порывал связей со своим классом и только благодаря этому я считаю свою артистическую жизнь спасенной от пагубного влияния буржуазной культуры.

Не существует искусства в «безвоздушном пространстве». Или искусство служит умирающему классу

буржуазии или оно становится на службу тех, кто борется против этого класса. И если у фашизма есть какая-либо заслуга, то она заключается в том, что фашизм заставляет художника выбирать, по какую сторону баррикады он должен стоять. Если уметь ясно мыслить, выбор не будет трудным. Может быть когда-либо большой мастер искусства изобразит трагедию тех художников, которые сегодня не обладают этой способностью ясно мыслить и следовательно—выбирать.

— Я горд,—говорит Гранах,—что вместе с Пискатором участвовал в первых боях за политический театр. Мое искусство не является моим частным делом, ибо оно стоит на службе тех масс, которые оптимистически видят мир и его будущее.

Я был свидетелем победного шествия Рейнгардта, больших успехов Йеснера. Затем пришел Пискатор со своим политическим театром и Вангенгейм со своей прославившейся экспериментальной труппой. Высокоодаренные режиссеры, как Фиртель, Феллинг, Мартин и другие, серьезно работали над новыми формами на театре. Германия обладала множеством выдающихся исполнительских дарований, передовая молодежь то и дело учреждала собственные мастерские и студии.

Тем не менее, что случилось с берлинскими театрами, с их первыми режиссерами, артистами? Фашисты просто выставили за дверь всех творчески борющихся и ищущих художников.

Великий Рейнгардт размещает свою музу в Голливуде, Бассерман

развозит свое мудрое и зрелое искусство по маленьким городкам Швейцарии, Голландии и Бельгии, Фриц Кортнер, Елизавета Бергнер, Хомолка, Грета Мосгейм, Маннгейм, Буш и многие не менее талантливые находятся в эмиграции. Каждый из них по-своему старается удержаться на поверхности, каждый, как может, борется за существование. Следует ли особо говорить после всего этого, что представляет собой немецкий театр сегодня?

В Москве я живу еще слишком недолго, и смешно было бы полагать, что я уже узнал столицу мирового театра как следует, тем более, что я уже весь в работе. Но сравнения напрашиваются на каждом шагу. Главным образом я хотел бы сопоставить условия работы там и здесь.

Вспоминается период «высокой конъюнктуры» искусства в Берлине. Да, имелись первоклассные режиссеры, актеры, музыканты, художники! Но наш немецкий театр, немецкий фильм были не чем иным как предпринятиями развлекательной промышленности. Нигде,

за крайне редким исключением, художественные достижения не являлись у нас решающим моментом; решала классовая рапортница. Бывало нередко, что на премьере артисты, автор и режиссер восторженно принимались публикой. Но стоило появиться на столе директора неблагоприятной рапортницы, как пьеса снималась с репертуара. Мы, художники, были всего только товаром на рынке театра и фильма и этим товаром беззастенчиво спекулировали. Если в данный мо-

мент мы поддерживали успех дела, мы были на гребне волны. Но горе тем же великим Бергнер, Моисси или Бассерману, если кассовая рапортница показывала ниже минимума. Сегодня на гребне волны, завтра—пятое колесо в телеге! Муза превратилась в продажную женщину, от которой ожидали денег и денег. Она так низко пала, госпожа муза, что потеряла всякую меру достоинства.

Первое, что в СССР бросается в глаза,—это, что художники нужны стране. Я двадцать пять лет на спине, я был, как говорится, и на коне и под конем, я работал со всеми берлинскими режиссерами, я—честно говоря—пережил немало счастливых творческих часов. Но то, что я переживаю в СССР, трудно описать! Я снимаюсь в Межрабпомфильм в двух картинах, и каждый рабочий день для меня—радостное событие. Здесь, в вашей стране, все—люди, и я понимаю теперь еще лучше, почему на нас всегда такое сильное впечатление производил советский фильм. Здесь каждый верит в то, что он творит, над чем он работает, и каждый несет за это ответственность. Здесь возникло новое понятие о производственной преданности.

Социализм! Этим словом можно было бы тысячи раз правильно ответить на тысячи разнообразнейших вопросов. Я счастлив, что имею возможность здесь работать, многое узнать и что главное,—многому научиться.

Меня фашизм не сломил. Наоборот, он укрепил во мне сознание, что у нашего мира только один путь—путь человечности, продуктивной работы, уничтожения войн, путь социализма. Ибо настоящее большое искусство возможно только при социализме.

«Was mich nicht umbringen konnte, macht mich noch stärker», — сказал Гете. Я уверен, что все товарищи (как Брехт, Бредель, Бехер, Вангенгейм, Пискатор и др.), испытавшие варварство фашистского режима, стали вследствие этого еще более крепкими и убежденными борцами за советскую Германию.

ЕФ. БОРИСОВ

Александр Гранах